

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-28.k3yq-0186

EDN: LRZZRF

УДК 316.77

ДАРЬЯ АРТЕМОВНА ШЕЙНИНА

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия*

МЕДИАТИЗАЦИЯ ДНЕВНИКОВЫХ ПРАКТИК СРЕДИ ЛЮДЕЙ 18–25 ЛЕТ

Аннотация. Воспоминания играют важную роль в жизни людей. Одним из способов их фиксирования является дневник. В прошлом многие использовали бумажные дневники с целью сохранения своей памяти и размышлений о прошлом, однако распространение диджитализации и медиатизации во все сферы жизни, включая личную жизнь, внесло свои коррективы в эту практику. Так, в современном обществе люди все чаще используют вместо традиционных бумажных дневников свои аккаунты в социальных сетях. Данная работа стремится изучить изменения в дневниковых практиках среди молодых людей 18–25 лет в связи с их переносом в онлайн-формат. С помощью глубинных полуструктурированных интервью с респондентами, имеющими опыт ведения дневника в обоих форматах, и последующего фрейм-анализа исследование старается найти сходства и различия между двумя дневниками, а также изучить причины замены бумажных носителей на медиатизированные.

Ключевые слова: дневники, дневниковые практики, память, индивидуальная память, медиатизация, социальные сети.

Ссылка для цитирования: Шейнина Д. А. Медиатизация дневниковых практик среди людей 18–25 лет // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 28. — С. 70–97. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-28.k3yq-0186; EDN: LRZZRF

Введение: о важности сохранения памяти на нескольких уровнях

В связи с рядом значительных процессов, в протекании которых участвует память, крайне важным представляется ее сохранение. Сохранение памяти может происходить в разных масштабах: на макро-

и микроуровнях. Говоря о первом уровне, следует рассматривать изучение политики памяти государства и мирового сообщества. Например, в 1989 г. был создан журнал «History and Memory»¹ («История и память»), рассказывающий о том, как прошлое влияет на настоящее, а также как оно переосмысливается и артикулируется через призму сегодняшней действительности. Из русскоязычных изданий данной направленности следует выделить «Tempus et Memoria»², который позиционирует себя как «единственный в России журнал, который специализируется на проблемах изучения социальной, исторической, культурной памяти и социальной темпоральности». Кроме того, историк Александр Ходнев в своей работе «“Бум” исследований памяти в России» (Ходнев 2016) пишет о том, что внимание к исследованию прошлого в XXI в. значительно возросло. О том, что феномен памяти был в своем роде «переоткрыт» в последнее время, также заключает и классик поля Memory Studies Пьер Нора в своей работе «Всемирное торжество памяти» (Нора 2005). Он подчеркивает, что границы памяти расширяются за счет включения в общий нарратив историй людей, ранее лишенных права голоса, в связи с чем общее полотно памяти видоизменяется и подлежит новым исследованиям.

Тем не менее в рамках сохранения памяти можно выделить и микроуровень, заключающийся в частных способах, к которым прибегают отдельные люди, чтобы бороться с забыванием. Как отмечено выше, «мемориальный бум» дал право голоса ранее обделенным в праве высказывать свою точку зрения людям, что спровоцировало увеличение числа личных историй о прошлом, заключающихся в индивидуальной интерпретации отдельных событий. В то же время исследователи уделяют внимание коллективной памяти и ее соотношению с историей на глобальном уровне, не прибегая к изучению индивидуальных практик сохранения и репродукции памяти. Однако общее полотно памяти выстраивается в том числе из данных отдельных воспоминаний, поэтому их необходимо изучить более подробно.

В связи с неотъемлемым свойством человеческой психики, заключенным в потере памяти (забывании), люди зачастую стремятся отразить пережитый опыт на стороннем носителе, создавая собственный архив. Это могут быть как документы, фотографии и письма, так и описание происходящего в рамках дневника.

¹ History and Memory, 1989–2019. Vol. 1, no. 1 — Vol. 31, no. 2. Indiana University Press. — Текст: электронный // jstor.org: [сайт]. — URL: <https://www.jstor.org/journal/histmemo> (дата обращения: 05.02.2025).

² Tempus et Memoria, 2006–2023, Электронный научный архив УрФУ. — Текст: электронный // tempusetmemoria.ru: [сайт]. — URL: <https://tempusetmemoria.ru/index> (дата обращения: 05.02.2025).

Если ранее одним из ключевых способов хранения личных воспоминаний являлись бумажные носители — в частности, дневники, то проникновение медиа в жизнь общества внесло коррективы и в процедуру запоминания. Медиатизация — масштабный процесс, характеризующийся взаимовлиянием внедрения медиа в новые сферы жизни и сопутствующими изменениями в социокультурном ландшафте. На данном этапе общественного развития представляется возможным говорить о том, что для фиксации личного опыта люди прибегают к помощи медиа, что провоцирует появление такого медиума, как медиадневник. Данное исследование исходит из того, что интерес к ведению аккаунтов в социальных сетях обусловлен удовлетворением тех же потребностей, восполнению которых ранее служил бумажный дневник: запоминанию отдельных событий. Цели и характер этого запоминания, однако, могут различаться, на чем и сосредоточено данное исследование.

В данной работе дневники изучаются ретроспективно, как носители сведений о прошлом человека. Текущее исследование подразумевает под прошлым любой момент, который находится в ретроспективном отношении к текущему моменту, — таким образом, фактически, прошлое наступает в следующую секунду после окончания какого-то события. То есть когда человек фиксирует произошедшие за день мгновения в дневнике, эти моменты уже определяются в данном исследовании как прошлое.

Гипотезы заключаются в следующем: 1) медиатизированные дневники становятся менее личными и интимными, при этом больше ориентируются на обратную связь; 2) медиадневники дают больший простор для самовыражения. Эмпирическим материалом послужили 8 полуструктурированных интервью среди людей, входящих в заявленную возрастную группу (18–25 лет) и имеющих опыт ведения как бумажного, так и медиатизированного дневника. Был разработан опросник из трех блоков вопросов: практики ведения бумажного дневника, практики ведения медиадневника и сопоставление практик. Данная работа использует фрейм-анализ, чтобы организовать и структурировать данные на основании общих черт описания дневниковых практик разными людьми в рамках собранных интервью.

Память и дневники

Память является важной частью жизни как отдельных индивидов, так и всего общества в целом. Индивидуальные воспоминания — сложная и неоднозначная структура, состоящая в тесном взаимодействии с коллективным, поскольку индивид находится в постоянном взаимодействии

с социумом (Хальбвакс 2007). Это не только обуславливает гибкий и фрагментарный характер индивидуальной памяти (Dudai, Edelson 2013: 275–283), находящейся в своеобразной «рамке», по Хальбваксу, из общественных убеждений и ориентиров на макро- (государство, мировое сообщество) и микроуровнях (семья, друзья) (Halbwachs 1992). Память важна для формирования идентичности (Antze, Lambek 2016), для поиска персонального «я» (Ricoeur 2006), для саморефлексии (Wood 1991: 1–19), отслеживания изменений личности через призму прошлого и для ориентации на будущее (Pickering, Keightley 2013: 115–131; Козеллек 2016: 149–173).

Принимая во внимание колоссальное значение памяти, представляется естественным, что, обладая склонностью к забыванию, индивиды стремятся зафиксировать свой опыт на внешних носителях. Дневники представляются одним из наиболее распространенных способов хранения персональной информации.

История ведения дневников восходит к древним цивилизациям. Несмотря на интуитивную простоту понимания практики ведения дневника для обывателей, единого представления о том, что такое дневник, не существует (Kuhn-Osius 1981: 166–176), из чего возникает ряд сложностей для определения хронологии дневниковой активности. С одной стороны, каждый письменный носитель информации, начиная от папируса и восковых табличек, можно относить к фиксации прошлого — духовного пути монахов, научных открытий или стенографии публичных выступлений. С другой стороны, то, что сегодня понимается под дневником, носит более глубинный и психологический окрас, подразумевая наличие собственных мыслей и опыта. В таком случае первые дневники появляются в эпоху Возрождения с ориентацией на отдельных индивидов и их жизнь.

Можно заключить, что дневник — это крайне разнородный и многофункциональный артефакт, который используется по разным причинам. Среди наиболее распространенных, опираясь на исследования Филиппа Лежёна (Lejeune 2009), Ирины Паперно (Paperno 2004: 561–573) и Лоуренса Розенвальда (Rosenwald 1988: 5–6), можно выделить следующие функции:

1. Фиксирование личного опыта и событий с целью не забыть.
2. Поиск себя, рефлексия, самоанализ.
3. Реализация переживаний и мыслей, которые по определенным причинам нельзя выразить в жизни.
4. Эскапизм.

5. Документирование политических, социальных и культурных событий, важных для общества.
6. Переосмысление трудного прошлого и травмы.
7. Склонность к литературным практикам и творческому самовыражению.
8. Попытка вписать личный опыт в общий социально-культурный нарратив (в случае надежды на публикацию).

Наиболее часто встречающимися характеристиками дневников являются индивидуальность, ориентированность на личный опыт, фиксация времени, отсутствие прямого адресата, приватность и естественность (в понимании отсутствия прямой необходимости его вести или вести определенным образом) (Rosenwald 1988; Breakwell, Wood 1995: 293–301). Однако развитие социума, например появление автобиографического жанра литературы с публикацией дневников, внесло свои коррективы в эти аспекты. Интимность и естественность перестали быть неотъемлемыми составляющими ведения дневника. Вопрос неадресованности дневника тоже был переосмыслен исследователями: он может быть направлен от человека из прошлого самому себе из будущего, а может и вовсе быть посвящен иному лицу (в том числе воображаемому) (Hassam 1987: 435–442).

Формат дневников варьируется, однако наиболее распространенными жанрами из тех, что выделяют исследователи, являются личный дневник, исторический дневник, дневник путешествий (Paperno 2004: 561–573).

Медиатизация и дневники

Медиа стремительно развиваются, поэтому понимание их роли в жизни общества тоже углубляется научным сообществом. Например, изначально проникновение медиа в отдельную сферу принято было обозначать термином «медиация», однако со временем исследователи обозначили его медиатизацией, подчеркивая глубину влияния на всю совокупность повседневных практик и социокультурных изменений (Hjarvard 2008: 105–134). Хронологически, медиатизация происходила в три волны: механизация, электрификация, диджитализация (Непп, Krotz 2014; Couldry, Непп 2016). На данной ступени развития социума можно наблюдать глубокую медиатизацию, которую Андреас Хепп, автор феномена, описывает с опорой на такие ключевые черты, как дифференциация, «связность», «вездесущность», высокая скорость трансформации, датафикация (Непп 2020). Она также неразрывно

связана с другими процессами, согласно Фридриху Кротцу: глобализацией, индивидуализацией, коммерциализацией (Krotz 2009: 21–40).

Исходя из значительной роли медиа в оформлении множества процессов на микро- и макроуровнях, вопрос о взаимоотношениях медиа и памяти стоит особенно остро. Несмотря на то что на первый взгляд может показаться, что медиа оказывают влияние исключительно на настоящее и будущее, прошлое и память как ее источник тоже находится под его воздействием, как пишет Лучиана Парисси (Goodman, Parisi 2010: 343–362). Память становится своеобразным протезом, переставая пребывать в той форме, в которой существовала до широкого внедрения гаджетов (Landsberg 2004). Запечатление памятных моментов в медиа также влияет на уровень проживания опыта, поскольку человек не может сосредоточиться исключительно на нем, что может затруднять процесс припоминания, о чем пишет Диана Тамир и коллеги (Tamir, Templeton, Ward et al. 2018: 161–168). В то же время медиа, стирая привычное понимание памяти, полностью существует на прошлом, из раза в раз паразитируя на ностальгии и создавая определенный образ прошлого и оперируя им, что подчеркивает Эндрю Хоскинс (Hoskins 2009: 91–108). Благодаря созданию единой экосистемы прошлого медиа усиливают коллективную память, создавая общество с определенными воспоминаниями и оценками прошлого (Hoskins 2011: 19–31).

Несмотря на то что в медиа каждый член социума обладает возможностью высказывать свое представление о прошлом, это создает ряд сложностей, в том числе сопряженных с распространенностью фейков в медиапространстве.

Еще одной важной чертой памяти в медиа является намеренное манипулирование. Используя различные отвлекающие внимание мультимедийные форматы, яркие картинки и прочие атрибуты технологий, медиа могут реконструировать выгодный нарратив. В контексте того, что практически все, что мы знаем о прошлом, мы знаем из медиа, это особенно важно: медиа снижают способность людей критически относиться к прошлому, в том числе и к личным воспоминаниям, и продвигают единый унифицированный образ.

В целом публичность медиатизированной памяти является одной из главных ее черт и проблем. Люди стараются встроить свои индивидуальные воспоминания в пространство коллективной памяти, придерживаясь определенных ориентиров, однако разный социокультурный багаж может провоцировать разночтения в воспоминаниях, влияющие также на самого рассказчика, о чем пишет Ки Вонг (Wang 2021: 1–12). Она пишет о том, что «я» человека в медиа конструируется на основе

трех составляющих: представляемое «я», зарегистрированное «я», предполагаемое «я». Первый компонент имеет отношение к тому, как личность видит и понимает себя внутри своего сознания — глубинные мотивы, взгляды, принципы, причины и последствия событий и поступков. Зарегистрированное «я» отвечает за то, что из этого и в каком формате человек выбирает выставлять в социальные сети — каждый опыт может быть представлен под другим ракурсом, люди могут как сознательно, так и неосознанно замалчивать весомые детали или не давать достаточного контекста для восприятия конкретного воспоминания. Наконец, предполагаемое «я», выраженное в интерпретации публикацией контента (лайки, комментарии, репосты), укоренено в человеческой природе: разный социокультурный бэкграунд провоцирует разное восприятие одних и тех же явлений.

Тем не менее людям необходимо общение, поэтому они прибегают к способу распространения прошлого опыта онлайн, о чем тоже заявляет исследовательница на основании проведенного опроса (Wang 2020: 65–70). Несмотря на то что медиатизированная память представляется своего рода иллюзией, выстроенной по определенным паттернам и в угоду заданным критериям (например, эстетичности), люди находят в этом преимущества и чаще используют именно медиадневники, нежели бумажные, что подтверждает исследование Лев-Она и Ловенштейна-Баркай (Lev-On, Lowenstein-Barkai 2019: 1–9). Медиадневники представляются более яркими, живыми, сфокусированными на текущих событиях и позитивными по сравнению с бумажными, что тоже может быть сопряжено с феноменом публичности и желанием создать более привлекательный образ своей жизни, нежели бумажные (Wang, Blenis, Ng et al. 2015: 1–3).

Подводя итоги, необходимо отметить, что безусловная публичность аккаунтов в социальных сетях, разнообразие способов самовыражения в контексте запоминания личных воспоминаний — визуальный, письменный и количественный, согласно Реттбергу (Rettberg 2017: 429–443), — и сама логика гаджетов и алгоритмы медиа колоссально изменяют понимание памяти в современности.

Опыт ведения бумажного дневника

Говоря об опыте ведения бумажных дневников, большая часть участников характеризовала причины начала дневниковой практики с позиции вдохновенности дневником как символом саморефлексии и поиска себя, который проецируется в медиаконтенте. Интервьюируемым показалось, что, позаимствовав у популярных героинь данную

практику, они смогут стать более приближенными к полубившимся образам. Дневник в этом случае выступает как часть эффекта ореола персонажа, при появлении которого стирается дистанция между существующим «я» реального человека — автора конкретного дневника — и желаемым «я» — автором дневника в отдельно взятом медиаконтенте: «...повлияли героини поп-культуры, романтические образы девушек, скрывающих чувства от мира в личных дневниках...»; «Первый свой дневник я завела, когда это стало популярным классе в 4-м — в том числе из-за сериала “Виолетта”. Я точно помню, что хотела быть похожей на нее»; «Дневник — это же символ нулевых, каждая вторая героиня его вела, мне показалось, что будет круто, если я смогу стать такой же». Принимая во внимание тот факт, что все участники начали вести дневник в период 10–12 лет, находясь в детском состоянии, логичным представляется их желание найти себе образец для подражания в ярких образах массовой культуры, чьи паттерны поведения, в число которых вошла и практика ведения дневника, можно использовать в рамках создания собственной личности и процесса социализации. Данный фрейм можно условно назвать **«дневник-символ»**.

Еще один фрейм — склонность к литературным письменным практикам для самовыражения, который можно обозначить как фрейм **«дневник-творчество»**. Ранее был описан переход от восприятия дневников как интимного хранилища личной информации к попытке включить его в творческий процесс и написать полноценную историю своей жизни, где автор дневника играет ключевую роль основного действующего лица. Интервьюируемые говорят об этом феномене так: «Очень нравится писать, так я выражаю свою творческую натуру — на бумаге»; «Я всегда была активным и творческим ребенком, у которого в голове кипели переживания, которые надо было реализовывать в разных формах — концерты для семьи, рисунки и мысли в дневнике»; «Я с детства хотела стать журналисткой или писательницей, так что к оформлению мыслей на бумаге пришла достаточно рано, начав как раз с дневника». В какой-то степени, если рассматривать психологические аспекты, фрейм «дневник-творчество» может быть связан с фреймом «дневник-символ», поскольку нарочитое помещение себя в нарратив литературной истории, где автор выступает персонажем, тесно связано с желанием стать героем медиаконтента, следуя ему в практике ведения дневника.

Примечательно также, что у фрейма «дневник-творчество» можно выделить и своеобразный подфрейм, заключающийся в возможности оформлять дневник в уникальной авторской методике — **«дневник-аутентичность»**: «Мне нравилось оставлять целые страницы под разные

рисунки — иногда рисовала какие-то конкретные о ситуации, а иногда просто предавалась дикой абстракции, например, когда все бесило»; «Я по натуре очень романтичная личность, поэтому не было такого, чтобы я не нарисовала на страничке дневника хотя бы несколько сердечек, мне кажется, что это придает ему мой характер»; «Круто, что в бумажном дневнике не было вообще никаких правил — я иногда просто по приколу начинал писать поперек дневника — вот прямо мимо клеточек и линеек — и знал, что мне потом будет удобно это читать, а никого больше волновать не должно». Многие участники отмечали, что им нравится также вид собственного почерка, придающего дневнику аутентичность и делающего его более личным: «Мне нравится писать от руки, это очень редко сейчас удастся и делает любую вещь более личной»; «...я раньше очень любила писать от руки. Когда началась подготовка к ЕГЭ и эти шаблонные сочинения, то некуда было направить свои мысли, потому что писать надо так, как сказано. И вот бумажный дневник помогал вылить все свои мысли, чувства и эмоции за день»; «В школе меня часто просили писать записки для учителей, потому что почерк очень взрослый и красивый, каллиграфический, так что я его полюбила и решила использовать как можно чаще эту суперспособность».

Значимым фактором, зафиксированным во всех интервью, является использование дневника как способа выражения недоступных для реализации в повседневной жизни эмоций и сопряженного с ним общения с теми, с кем не представляется возможным непосредственная коммуникация. Своеобразный тип «**дневника-сублимации**», позволяющий не держать все эмоции в себе: «Не все свои тайны и секреты ты можешь разделить с миром — родители, как кажется, смеются над детскими страстями, а подружки... склонны к тому, чтобы передавать секреты другим»; «На это [начало ведения дневника] повлияли первые серьезные и долгие отношения, потому что было много эмоциональных качелей. Родителям о необходимости психолога я говорить не хотела, а партнеру высказать всего не могла, потому что боялась, что бросит»; «Когда уже не можешь человеку все высказать лично, то в дневнике можно было расписать все в красках и успокоиться. Закрывать гештальт, так сказать».

Исходя из фрейма «дневник-сублимация», не совсем очевидным представляется следующее свойство дневника — фиксация собственных эмоций и их отслеживание с течением времени; в частности, вопрос заключается в том, является ли описание своего опыта и переживаний такой же сублимацией от невозможности поделиться ими с людьми вокруг (т.е. лежит в области социального) или же исключительным способом саморефлексии (т.е. связано только с индивидом и его развитием).

В то же время сами интервьюируемые смешивают эти понятия воедино, так как накопленные эмоции, фиксируемые в дневниках, в большом количестве случаев возникают именно из-за недосказанности, однако существуют и другие причины. Исходя из этого, данное исследование выделяет «дневник-саморефлексию» или «дневник-терапию» как фрейм, а не как подфрейм. Сами интервьюируемые описывают этот опыт следующим образом: «Я выписывала ситуацию, а потом анализировала, что она во мне вызвала: грусть, злость, раздражение. Также училась фокусироваться на хорошем и стала выписывать приятные моменты из жизни... чтобы потом лишний раз себе напомнить, что стакан наполовину полон»; «В некоторые периоды жизни происходило много событий, которые сильно влияли на моральное состояние, а отслеживать это как-то надо было... В бумажном дневнике уже получалось обширнее и глубже писать, что и помогало ежедневно смотреть за прогрессом или регрессом»; «Фиксирование мыслей на бумаге помогает пережить бурю эмоций — я всегда была очень эмоциональным и громким ребенком, при этом ранимой и в меру стеснительной, — и успокоиться».

Следующий аспект дневниковой практики на бумаге представляется комплексным и частично взаимосвязан с фреймом «дневник-творчество», но все же имеет другой окрас. Участники интервью отметили, что дневник для них — зона максимальной концентрации на собственном «я» в силу ряда причин: «Ты просто лучше концентрируешься на своем тексте, потому что нет кучи триггеров, которые есть в телефоне и компьютере. Пишешь вдумчивее, поскольку нет возможности стереть и переписать, но в то же время пишешь только то, что хочешь, потому что пространство только твое»; «Для меня возможность систематизировать и собрать свои мысли — а ручкой по бумаге всегда работает лучше, поскольку есть только вот ты и чистый лист, ничего и никого больше, — это вообще огромный плюс»; «Мне кажется, что если в обилии общения с людьми — а я учусь в универе, хожу на курсы и еще живу в квартире с большим количеством родственников — не попытаться сохранить что-то только о себе и для себя, без посторонних глаз и информационного шума в разных проявлениях, то можно свихнуться, а дневник как раз очень интимная вещь для таких целей».

Это отношение к дневнику сложно трактовать однозначно, можно подойти к нему как к описанию фрейма «дневник-вакуум» (есть только человек, его личный опыт и потребность зафиксировать его без раздражающих факторов вроде информационного шума), но можно поставить на первый план и глубинный, психологический аспект, в котором первоочередным является не формат реализации, а потребность

в запечатлении моментов жизни в приватном пространстве. С этой точки зрения более корректным представляется говорить о фрейме **«дневник-самосохранение»** как о способе планомерной фиксации своего собственного «я» вне досягаемости посторонних.

Примечательным оказывается тот факт, что никто из интервьюируемых не воспринимает дневник как способ запоминания событий на поверхностном уровне — например, как инструмент для хранения распорядка дня. Все участники используют дневник исключительно как способ фиксации обширного опыта, включая в него переживания, ожидания и эмоции от происходящего. Некоторые из них настолько серьезно относятся к такого рода дневниковой активности, что характеризуют ее как «ритуал», что позволяет выделить и фрейм **«дневник-ритуал»**: «Бумажный дневник для меня — целый ритуал, где важно сосредоточиться на бумаге и выразить максимально полно все, что накопелось»; «У меня есть определенный ритуал, когда сажусь делать очередную запись: включаю тихонько музыку, зажигаю свечи, наливаю чай и начинаю вести дневник».

Касательно периодичности ведения дневника, все участники исследования отметили, что никогда не имели конкретной регулярности этой практики: «Я в целом заполняла [дневник] только в моменты, когда чувствовала потребность в этом»; «Мне кажется, около 3–5 раз в месяц — ну, с приходом вдохновения, в общем»; «...дневник выручал меня в какие-то патовые моменты, в эмоциональных ситуациях — в обычные дни я не вела его вообще, а так в зависимости от того, как часто случались моральные потрясения». Эти аспекты можно объединить в фрейм **«дневник-ситуативность»**, опираясь на то, что он используется в отдельные моменты времени и не ведется постоянно.

Говоря о недостатках бумажного дневника, интервьюируемые преимущественно ссылались на трудо- и времязатратность: «Минусы дневника точно заключаются в необходимости выделить на это все время и слаженно записать все свои мысли за сутки. Писать от руки это в целом долгий процесс, а когда ты анализируешь свое состояние — вообще вечность»; «Трудоемкость этого процесса и времязатратность в итоге привели к тому, что я это дело вообще забросила из-за нагрузки»; «Дневник не всегда под рукой, а когда оказывается в поле зрения, может уже быть лень писать, потому что и долго, и сил отнимает кучу». Охарактеризовать данный тип взаимоотношений с дневником можно как **«дневник-усилие»**.

Также отмечены были легкость потери дневника и возможность доступа к нему других людей: «Мне кажется, тут никто не будет

спорить, что в постоянной суматохе куда-то забросить дневник или вообще его где-то оставить — распространенная ситуация, а там уж непонятно, куда он может попасть»; «Я как-то потеряла дневник, а его нашла моя младшая сестра и прочитала, растрепала все родителям... это меня ужасно оттолкнуло от того, чтобы продолжать вести [дневник]»; «Я сама растяпа и творческая личность, так что после пары потерь дневника решила, что блокнот все же не для меня». В таком случае дневник представляется как нечто эфемерное и ускользающее, своего рода **«дневник-ответственность»** в отрицательной коннотации: за блокнотом нужно постоянно следить, чтобы он не попал к третьим лицам или не был утерян.

Опыт ведения медиадневника

Характеризуя причины перевода дневниковых практик из бумажного дневника в медиaprостранство, все интервьюируемые называли, пожалуй, ключевой фрейм в отношении медиадневника — **«медиадневник-общение»**. Участники отмечают, что зачастую чувствовали себя одиноко в приватном, «вакуумном» пространстве обычного бумажного дневника: им казалось, что они не могут видеть свой опыт непредвзято, а иногда и вовсе создавалось впечатление, что их мысли — своего рода графомания. Исходя из этого, они предположили, что если будут получать фидбэк относительно своих личных записей, то им станет легче составить полную картину и разобраться в себе с помощью мыслей других. Это во многом перекликается с мыслями, изложенными выше, что личность в медиа конструируется не только на основании своего индивидуального представления о собственной жизни, но и в значительной степени опирается на вклад аудитории, как заключила Ки Вонг в своей трехкомпонентной теории личности в медиасфере. Кроме того, люди стремятся к общению, что является ключевой причиной делиться воспоминаниями онлайн, о чем свидетельствует опрос, проведенный в 2020 году уже упомянутой выше исследовательницей. Сами участники говорят об этом опыте следующим образом: «Мне захотелось делиться некоторыми мыслями с окружающими, чтобы почувствовать, что в каких-то взглядах и мнениях у меня есть единомышленники. В период, когда в голове бурлит куча мыслей, иногда важно их не только понять на уровне потеряшки, но и довести до какого-то логического формата в обсуждении»; «Захотелось некоторым опытом делиться публично. Иногда хочется, чтобы тебя просто услышали и хотя бы на минимальном уровне лайка дали понять, что ты не один о таком думаешь, что не преисполнился в своем познании

до отрыва от действительности»; «Возникло желание делиться своими мыслями с людьми не только в личных беседах, но и на более широкую аудиторию. Сошлись две стадии взросления: я не самая умная, поэтому хочу слышать мысли других, и я не самая глупая, поэтому готова вынести мысли в публичное поле». Как можно заметить из последней цитаты, люди из группы «молодых взрослых» все еще находятся в поиске себя (если предполагать, что в какой-то момент этот поиск и развитие заканчиваются, однако данная тема лежит в плоскости философии и психологии, поэтому не будет развита более подробно), поэтому часто нуждаются во взгляде со стороны, который не всегда могут предоставить родственники или близкие друзья. Связи с этим пользователи стремятся восполнить недостаток в полемике путем вынесения пережитого опыта в медиасферу благодаря ее масштабу и охватам. Ранее в статье также был описан феномен такого рода онлайн-общения: в сущности, взаимодействуя с незнакомыми людьми, иногда — анонимами, о которых авторы дневников ничего не знают, они могут приобрести ложные представления о знакомой им действительности. Такое общение в целом носит иллюзорный характер, не выходит за рамки медиапространства и не несет никакой практической ценности в реальной жизни. Человек может воспринимать его как настоящий акт общения, однако, не имея достоверных сведений о собеседнике, эта коммуникация не в полной мере актуальна и наполнена смыслом.

Следующие фреймы напрямую взаимосвязаны с фреймом «дневник-общение», однако имеют свою специфику, сопряженную с феноменом публичности, которая позволяет воспринимать их вне этого восприятия. В первую очередь это подфрейм **«медиадневник-обращение»** — он нацелен на получение фидбэка, однако сосредоточен на адресованности конкретному человеку или группе лиц. Интервьюируемые характеризуют этот аспект так: «Я очень часто “работаю” в жанре пост для одного человека. Ты, например, повздорил с кем-то, а он на тебя подписан — и начинается ряд якобы пространных текстов, картинок и песен с очевидным подтекстом, который поймет только конкретный персонаж»; «У меня всегда есть скованность высказывать что-то негативное человеку лично, поэтому я иногда просто добавляю что-то... ну, фотку, песню, стих... что покажет человеку, что меня что-то задело в его отношении»; «Когда начинается откровенный флирт с кем-то, нет ничего лучше, чем у себя на странице запостить что-то, что намекнет ему о том, что у тебя появилась симпатия». Этот аспект ведения медиадневника сопряжен, как кажется, с большим количеством условностей. Во-первых, он лишает людей необходимости артикулировать свои эмоции и переживания при

непосредственном личном контакте. Во-вторых, возникает определенный вопрос о том, насколько адресат сообщения сможет понять, что это сообщение обращено к нему, — интервьюируемые отмечали также, что у них возникают отрицательные эмоции (раздражение, обида) в случаях, когда человек не в состоянии идентифицировать обращение, что лишь увеличивает негативный опыт. Наконец, стоит отметить, что публичность аккаунтов в социальных сетях в большом количестве случаев не позволяет публиковать контент для одного человека. В связи с этим обстоятельством возникают две сложности: с одной стороны, подписчики становятся невольными свидетелями внутренней личной драмы отдельных людей, с другой — кто-то может ошибочно «переложить» содержание контента на себя, что также затруднит коммуникацию и спровоцирует ряд разночтений. Например, если автор медиадневника принимает решение намекать определенному человеку на свои чувства, то этот намек может также быть воспринят как намек совершенно другим индивидом.

Разделение личного и публичного крайне важно в контексте изучения медиадневников. Участники интервью отмечают, что изложение воспоминаний в медиасреде стимулирует их более детально продумывать, какой частью они готовы делиться с обществом, а какой — нет. Если вся информация из бумажного дневника конфиденциальна и не может спровоцировать негативную реакцию, то в случае с аккаунтом в социальных сетях индивид может столкнуться со шквалом критики и осуждения, что негативно скажется на его состоянии. Кроме того, это позволяет автору медиадневника в какой-то степени лучше понять себя, определяя спектр глубоко индивидуальных тем и сюжетов, которыми он не готов делиться. Этот опыт ведения медиадневника можно определить как своеобразный **«медиадневник-фильтр»**. Интервьюируемые описывают этот процесс таким образом: «На публику я не люблю показывать все эмоции и раскрывать все свои мысли, но это как раз помогает отрефлексировать, что для меня, условно, социально приемлемо показать всем, а что должно быть только мое»; «Есть какие-то штуки, которые вроде как хочется рассказать всем из-за взрыва эмоций, но чувствуешь, как будто на публику больше ста человек это уже будем “овершеринг”, так что оставляешь при себе» («овершеринг» — излишнее погружение посторонних людей в контекст своей жизни. — *Примеч. авт.*); «Чем делиться и не делиться — очень индивидуальный вопрос, я иногда не понимаю, насколько какое-то событие интимное и могу ли я его запостить, приходится разбираться в себе». Этот аспект частично взаимосвязан с фреймом «дневник-ответственность», указывающим на нежелание людей, чтобы их «самое сокровенное» было доступно третьим лицам.

Следующий аспект, связанный с дневниковыми практиками в меди-апространстве, в очередной раз сопряжен с публичностью и некоторым общением, однако фокус смещается с помощи автору медиатизированного дневника (путем удовлетворения потребности в общении) на помощь непосредственно аудитории. Участники интервью говорят о том, что им нравится чувствовать себя полезными и мотивировать своих подписчиков что-то делать — или, напротив, предостерегать от чего-то. В таком случае возможным представляется выделение такого фрейма, как **«медиадневник-влияние»**. Сами интервьюируемые воспринимают данный феномен так: «Обычно я делюсь опытом из психотерапии, рассказываю про штуки, которые мы разбираем. Хочется верить, что это может кому-то помочь, несколько человек мне писали, что я их сподвигла на занятия с психологом. Вот в такие моменты думаешь, что все-таки не зря делишься личным опытом, раз он может мотивировать»; «Поскольку я делюсь и хорошими, и плохими моментами жизни... скажем, в прошлом году я переезжала, чего очень долго ждала и о чем подробно рассказывала у себя в канале, а вчера меня пытались “развести” по телефону и я чуть не повелась... и мне кажется, что обе эти истории могут чему-то научить моих подписчиков, дать какую-то пищу для размышлений: показать, что не нужно бояться принимать важные решения, даже если они пугают сначала, как переезд, и повысить бдительность во втором случае»; «Поскольку я постоянно активничаю — учеба, подработка, курсы, тусовки, — со мной происходит куча событий, как серьезных, так и веселых, глупых даже. Когда делюсь всем этим, то появляется чувство, что можешь кому-то помочь или развлечь». Несмотря на то что авторы отмечают, что преследуют благую цель и хотят помочь своей аудитории, здесь уместным представляется возвращение к опасениям, изложенным относительно фрейма «медиадневник-общение», однако с другой стороны. Проецируя собственную картину мира и мотивируя своих подписчиков действовать определенным образом, авторы медиадневников, как кажется, могут быть излишне настойчивы и уверены в экспертности своего мнения.

Тем не менее данное положение может быть релевантно для отдельных авторов дневников, в то время как суждения интервьюируемых в рамках текущего исследования, напротив, позволяют выделить фрейм **«медиадневник-ответственность»**. Этот фрейм актуален в контексте фреймов «медиадневник-влияние» и «медиадневник-фильтр», поскольку участники отмечают, что им необходимо четко понимать, как размещенный ими опыт может воздействовать на умы аудитории: «Я стараюсь никогда не давать конкретно советов и уж тем более не призываю ни к чему, потому что у всех своя жизнь и я не истина в последней инстанции.

Просто показываю, как какие-то моменты — например, регулярная психотерапия — отражаются на общем состоянии, а дальше каждый решает сам для себя»; «В медиадневнике записи всегда “околофилософские”, и я стараюсь делать их в созидательном ключе, так как вижу ответственность за создание инфополя людей, которые меня читают».

Однако у фрейма «медиадневник-ответственность» можно выделить и другие аспекты, помимо нежелания навязывать собственную точку зрения другим. Во-первых, участники отмечают, что личные данные, хранящиеся в социальных сетях, легко можно украсть или потерять, что мотивирует быть более продуманными и сдержанными в процессе фиксации воспоминаний онлайн и всей коммуникации в целом, а также внимательнее относиться к паролям и защите аккаунта в целом (например, путем двухфакторной аутентификации). Во-вторых, общий контекст публичности накладывает определенные ограничения на то, чем автор медиадневника готов делиться, чтобы не спровоцировать конфликт. Вот что говорят об этом участники интервью: «Мне очень не нравится мысль, что меня могут взломать, что аккаунт может попасть в очередную волну удалений из-за сбоев системы без права восстановления. Да и сам факт, что кто-то получит доступ к моему архиву, часто отбивает желание что-то постить»; «У меня есть чувство, что это [ведение медиадневника] не очень безопасно. И хотя я ничего незаконного не рассказываю, все равно есть тревожность, что кто-то не так поймет и я оскорблю его чувства». В контексте изложенных ранее аспектов взаимоотношений между коллективной и индивидуальной памятью представляется важным, что акторы медиапространства внимательно относятся к тому, как рассказывают о прошлом, которое лежит не только в поле их личного опыта, но и затрагивает общественные процессы. Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод, что фрейм «медиадневник-общение» и все сопряженные с ним ввиду публичности фреймы наиболее полно отражены в интервью и в какой-то степени взаимосвязаны с фреймом «дневник-терапия»: общение о публикациях в медиадневниках помогает людям более глубоко понять себя, пережить свой опыт и составить впечатление о жизни и своей личности через коммуникацию и отбор материалов для аудитории.

Наконец, ориентация на получение реакции относительно собственного опыта, которым человек делится, влияет на характер оформления воспоминаний: «Поскольку я изначально медиадневник начинала вести для других, то стараюсь рассказывать то, на что было больше ответов. Продумываю, какая история может понравиться, рассмешить и так далее. В бумажном дневнике не пишу истории, которые чисто на то, чтобы посмеяться, а в медиа, наоборот, могу поделиться, например»; «Я вижу, какие посты получают больше всего реакций, и стараюсь максимально

использовать манеру изложения в них — например, просто фотки, как правило, не так провоцируют на диалог и лайки, как если их сопроводить текстом с размышлениями». Из данных цитат следует, что люди склонны вносить изменения в то, как и что они рассказывают — и в контексте стиля написания, и в контексте использования наглядных форм медиа (картинки, фото, видео), и в контексте акцентуации внимания на отдельных событиях ради получения фидбэка. Данный подфрейм «медиадневника-общения» можно охарактеризовать как **«медиадневник-реакция»**. Одна из интервьюируемых, однако, отмечает, что излишняя нацеленность на реакцию может извратить сущность дневника, превратив его в подобие интерактивного сериала, где автор хочет создать для аудитории наиболее «кликабельный» контент, при этом теряя в процессе себя как личность: «Главным минусом медиадневника мне кажется вероятность того, что в какой-то момент человек сам запутается в том, что он ведет: блог, дневник, личный канал для друзей или еще что-то. Эта неопределенность и вытекающая из нее специфика постов и их характера кажется интересной темой, но тревожной... боишься потерять себя и осознание того, что и зачем ты пишешь».

Существует еще одна причина для перевода дневниковой активности с бумажного носителя в медиасферу, названная в ходе интервью, которую можно связать с фреймом «дневник-символ», — **«медиадневник-принадлежность»**. Здесь необходимо обратить внимание на то, что ведение аккаунтов в социальных сетях — очень распространенный способ делиться фрагментами своей жизни, многие люди чувствуют необходимость приобщиться к этой практике вслед за окружением. Об этом свидетельствуют следующие цитаты: «У многих уже они [медиадневники] были, грубо говоря, решила следовать трендам»; «Поскольку друзья активно вели аккаунты в социальных сетях, мне не хотелось отставать, потому что они там писали что-то о своей жизни, а чем я хуже?»; «У меня есть подруга, которая ходила к психологу и делилась разными наблюдениями, опытом. Где-то 1,5–2 года назад, когда она поделилась очередной историей, то я подумала, что было бы тоже интересно попробовать такой формат. Потом, когда начался бум на телеграм-каналы [март 2022 года в связи с признанием Instagram³ экстремистской организацией и закрытием доступа к нему без VPN], я максимально отнекивалась и считала, что выше этого, но в итоге сдалась — и с лета 2022-го веду телеграм-канал».

Следующий фрейм, который можно охарактеризовать как **«медиадневник-мультимедийность»**, тесно взаимосвязан с фреймом

³ Организация Meta признана экстремистской, запрещена на территории РФ.

«дневник-творчество», о котором было рассказано в прошлом параграфе. Он также описывает то, как люди стараются оформить свое воспоминание, чтобы придать ему наибольшей полноты и красочности и более «живо» и детализированно воспроизвести в памяти спустя время. Благодаря возможности проиллюстрировать личное воспоминание любым свидетельством из архива — песней, видео, картинкой, фото, перепиской — оно становится более индивидуализированным и ярким, поскольку плотно взаимосвязано с автором медиадневника и его опытом. Важным также представляется то, что в случае, когда человек по различным причинам не может описать свою историю сам, он имеет возможность прибегнуть к использованию чужих текстов и визуального ряда на смежную тему с помощью репоста, дополнив его отдельными деталями или мыслями, но все же с опорой на нечто уже существующее в медиапространстве. Интервьюируемые описывают этот фрейм следующим образом: «Это форма саморефлексии, попытки собрать в одном месте разные мысли и артефакты, свидетельства каких-то впечатлений — фото, аудио, видео, ссылки; мудборд в форме личного дневника. Это помогает лучше понимать себя и свой внутренний мир, с течением времени — более ярко вспомнить, что происходило, благодаря наглядности материалов»; «Здорово, что можно прикреплять вообще все, что накопилось о каком-то событии, — я люблю иногда перечитывать свои записи, смотреть на фотки и видео, которые моментально позволяют ощутить себя в том положении, в котором я был, когда их делал»; «Я подписана на большое количество блогов, поэтому иногда, чтобы рассказать о своих переживаниях, просто репощу чужие размышления — это помогает чуть меньше эмоций потратить на создание контента, а если они отрицательные — огромный плюс. И еще круто, что можно репостить какие-то рассказы своих друзей, где ты фигурируешь, а не тратить время на создание своей публикации — с друзьями же видение ситуации совпадает, они уже все за тебя рассказали».

Как можно заметить по данным цитатам, фрейм «медиадневник-мультимедийность» взаимосвязан также и с удобством, которое создает возможность публиковать уже существующие единицы контента. Интервьюируемые высказываются об этом так: «Личные записи удобнее делать с телефона — он всегда под рукой и можно сохранить заметку на ходу в любом формате: текст, видео, запись на диктофон»; «Гаджеты всегда под рукой, где угодно и когда угодно можно записать все свои мысли»; «У меня всегда есть доступ к телефону, так что какой-то опыт можно зафиксировать быстро, к тому же печатать намного проще и привычнее, чем писать от руки. Еще можно что-то стереть и подправить, не разводя грязь, как на бумаге». Фрейм **«медиадневник-удобство»** проистекает, таким образом, из постоянной доступности

гаджетов и привычности ввода текста на них, что минимизирует время и усилия на оформление воспоминания. Все участники также отмечают, что именно данное обстоятельство сыграло ключевую роль в переводе дневниковой активности из бумажного дневника в медиaprостранство.

Если вернуться к фрейму «медиадневник-мультимедийность», возникает ряд дискуссионных вопросов. При попытке зафиксировать момент жизни, впечатления от него теряются, поскольку человек сосредоточен не только на происходящем, но и на том, чтобы его запомнить. Поэтому не совсем понятно, насколько воспоминания о полностью пережитом офлайн-опыте и опыте, который пытались отразить на гаджетах, будут одинаковы в контексте силы впечатления, однако данный вопрос требует рассмотрения с точки зрения профессиональных психологов и нейробиологов. Если же говорить с позиции исследования медиааспекта, то те способы самовыражения, которые проявляются в бумажных дневниках, глубоко индивидуализированные и свойственные конкретному автору дневника в зависимости от его креативности, сменяются стандартизированным способом проецирования воспоминаний. Они зачастую следуют определенным шаблонам (например, фотография и песня), что лишает дневник аутентичности. Как было замечено одной интервьюируемой: «Медиадневник теряет свою ауру на фоне бумажного, потому что все личные аккаунты все равно похожи между собой».

Говоря о частоте публикаций в медиадневниках, участники интервью демонстрируют ту же статистику, что и в отношении бумажных, — отмечают, что это сопряжено с внешней необходимостью чем-то поделиться и общим состоянием: «Сейчас веду [медиадневник] не очень активно — “пользователь в депрессии”, но как что-то происходит, то сразу стараюсь зафиксировать и поделиться, в настоящий момент это где-то 4–5 раз в месяц»; «Сложно говорить о частоте постинга, так как это тоже не фиксированный интервал — порой хочется постить каждый день, а в какие-то периоды месяцами нечего сказать»; «Канал веду в среднем 3–4 раза в неделю, наверное, но зависит от настроения и происходящего, иногда могу пропасть на неделю-полторы, если нет вдохновения или в жизни затишье». Это позволяет выделить фрейм «медиадневник-ситуативность» по аналогии с фреймом «дневник-ситуативность», описанным в предыдущем параграфе.

Среди социальных сетей, аккаунты в которых используются в качестве социальных сетей, интервьюируемые выделяют Instagram⁴ и Telegram, однако говорят о том, что Telegram больше отвечает их личным критериям для медиадневника, поскольку позволяет совмещать

⁴ Организация Meta признана экстремистской, запрещена на территории РФ.

неограниченное количество медиафайлов с текстом любого размера, в то время как Instagram⁵ подходит для визуального архива без глубокой «проработки» опыта.

Сравнение опыта ведения дневника и медиадневника

Чтобы проследить трансформацию дневниковых практик при замене бумажного дневника аккаунтом в социальных сетях, необходимо найти сходства и различия в отношении к этим типам дневниках. В первую очередь ведение дневника, так или иначе лежащее в области социальных практик, часто восходит к понятию референтной группы, которая является для человека своего рода стандартом и точкой отсчета при оценке самого себя и окружающего мира. Об этом свидетельствуют фреймы «дневник-символ» и «медиадневник-принадлежность». Расхождение заключается в том, что в первом случае, как правило, решающую роль играет вдохновенность персонажем, на которого автор хочет быть похожим, а во втором — нежелание выбиваться из окружения, которое вовлечено в процесс онлайн-общения.

Возможным также представляется сопоставление фреймов «дневник-творчество» и «медиадневник-мультимедийность», поскольку их аргументация восходит к общим корням потребности человека в самовыражении. Представляется затруднительным, однако, определить, в каком случае самовыражение может реализоваться большим количеством способов. С одной стороны, возможность публиковать, например, видео в медиадневниках позволяет зафиксировать опыт в прогрессе, с большим количеством деталей. В то же время личность автора дневника более характерно и аутентично выражается в процессе индивидуального оформления дневника, так как дает максимальный простор для креативности и фантазии.

Дневник, по признанию интервьюируемых, выступает преимущественно как попытка отразить свой опыт, справиться с эмоциями и лучше понять себя, найти свою идентичность — «дневник-сублимация», «дневник-саморефлексия» / «дневник-терапия» — путем структурирования и сравнения своих мыслей с течением времени. Несмотря на то что использование медиадневника служит той же глобальной цели, процесс саморефлексии в медиапространстве конструируется с использованием реакций аудитории, путем коммуникации, в ходе которой человек может оценивать свой опыт через призму восприятия других людей. В целом ключевым отличием бумажного дневника от

⁵ Организация Meta признана экстремистской, запрещена на территории РФ.

медиатизированного является именно публичность: человек больше не одинок в своих воспоминаниях, что накладывает определенные ограничения на процесс их оформления, характер повествования и моменты, которыми можно и нельзя делиться. Последнее из указанных обстоятельств, однако, позволяет также лучше разобраться в себе и отделить глубоко личное и интимное от того, что может быть показано другим.

Говоря о «дневнике-сублимации», интервьюируемые отмечают, что часто обращаются к образу конкретного человека, с которым нет возможности обсудить что-то в реальной жизни. «Медиадневник-обращение» развивает эту идею, поскольку предоставляет возможность не только адресовать сообщение определенной личности под видом общей публикации, но и получить какую-то реакцию. Публичность также разрушает «дневник-вакуум», поскольку ведение аккаунта в социальных сетях связано с обилием внешнего информационного шума, огромным количеством отвлекающего медиаконтента и переключением внимания с одной практики на другую.

Фрейм «дневник-усилие» противопоставляется фрейму «медиадневник-удобство»: глубокая медиатизация и степень проникновения технологий в повседневную жизнь делают активность, которую можно реализовать с использованием гаджетов, более предпочтительной. Кроме того, развитие медиа и их ориентированность на удобство пользователя создает новые перспективы для окончательной медиатизации всех процессов. Наконец, уже имеющийся объем сведений о некотором событии — например, сделанные фото, записанные видео, скриншоты переписок с друзьями о ситуации, — позволяют быстрее генерировать полноценное воспоминание.

Замечена схожесть в периодичности дневниковой активности — «дневник-ситуативность» и «медиадневник-ситуативность». Оба типа дневников используются при необходимости — когда есть время и мощный внешний триггер для «жизнеописания». Также интервьюируемые обозначили сопряженную с ведением дневников ответственность, которая, однако, отличается в силу характера носителя. В случае с дневником человек несет персональную ответственность за то, где находится дневник, чтобы избежать его кражи или потери. Говоря о медиадневнике, ответственность распространяется также на сами медиа — например, в связи со сбоями системы многие аккаунты удаляются без возможности их восстановить. Более того, авторы медиадневников должны более внимательно относиться к тому, что они публикуют, чтобы никого не задеть и не подать неверный ориентир, а также не выйти за рамки социально санкционированного поведения.

Заключение

Проведя фрейм-анализ восьми интервью, можно выделить следующие характеристики дневниковой активности: люди, фиксирующие свои воспоминания на данном носителе, воспринимают его как способ проявления своей креативности («дневник-творчество»), попытку сбежать от реальной жизни, выразив недоступные эмоции и мысли («дневник-сублимация»), и отрефлексировать свое состояние («дневник-терапия»). Также возможность «излить душу» на бумаге провоцирует серьезное отношение индивидов к этой практике: они называют ее ритуальной («дневник-ритуал»). Однако время- и трудозатратность ведения бумажного дневника («дневник-усилие») провоцирует поиск альтернативных способов фиксации своего прошлого.

Стоит отметить, что публичность медиапространства играет колоссальную роль для медиатизированной памяти: все индивиды находятся в постоянном процессе обмена опытом из прошлого, при этом подавляющее большинство из них выстраивает свой образ прошлого из полученных посредством медиа данных, что позволяет вновь вернуться к феномену коллективной памяти. Кроме того, люди зачастую делятся своими воспоминаниями с позиции потребности в общении, что также становится возможным исключительно благодаря публичности. Наконец, медиасреда позволяет людям более быстро, но ярко запечатлеть свой опыт благодаря широким возможностям мультимедийности, развитию социальных сетей и привычности использования гаджетов на фоне бумажных носителей, подразумевающих написание от руки. Фреймы «медиадневник-общение», «медиадневник-мультимедийность» и «медиадневник-удобство» наиболее полно описывают отношение людей к дневниковым практикам в рамках аккаунтов в социальных сетях.

Как было заявлено во введении текущей работы, исследование ставит две гипотезы. Первая из них предполагает, что медиадневники становятся менее личными и интимными, при этом ориентируясь на обратную связь. Данная гипотеза подтвердилась: в ходе исследования был выявлен фрейм «медиадневник-общение», а также значительное количество его подфреймов («медиадневник-обращение», «медиадневник-влияние», «медиадневник-реакция»). Интервьюируемые подчеркивали, что ключевой причиной делиться своими воспоминаниями в социальных сетях стала именно возможность диалога. Кто-то из них ждет сочувствия, кому-то не хватает валидации в реальной жизни, кто-то нуждается в том, чтобы помогать людям или их развлекать, для кого-то важно завуалированно обратиться к тем, с кем нет возможности

прямо поговорить вне медиапространства, кто-то же хочет более глубоко разобраться в различных темах, услышав мнение со стороны. В любом случае все это сводится к нацеленности на обратную связь в силу существования аудитории, что невозможно с бумажным дневником.

Вторая гипотеза выражала идею, что медиатизированные дневники дают больший простор для самовыражения. Данная гипотеза частично подтвердилась: с одной стороны, возможность поделиться такими яркими и выразительными медиумами, как видео и фото, дает человеку возможность более детально воспроизвести прожитый опыт. Опора на уже существующие элементы медиапространства — паблики, картинки, песни — также позволяет индивиду более красочно описать свое прошлое. Поскольку из-за излишней эмоциональности человек может находить затруднительным самостоятельное оформление воспоминания, социальные сети и накопленное в них обилие контента помогает преодолеть эту сложность. Об этих особенностях ведения медиадневников свидетельствуют высказывания участников интервью, объединенные под фреймом «медиадневник-мультимедийность». В то же время сопряженные с мультимедийностью способы самовыражения становятся более унифицированными и «одномерными», в отличие от того ничем не ограниченного «полета фантазии», который описывается внутри фрейма «дневник-творчество», — в бумажном дневнике люди могут себе позволить использовать любые черты характерного авторского стиля (почерк, рисунки, формат, организация) для поддержания аутентичности. Поскольку люди по-разному трактуют феномен самовыражения, суждения о том, что дает больший простор для него [самовыражения], также представляются обоснованными лишь отчасти. Еще одним важным тезисом в контексте самовыражения в медиадневниках является упомянутый участниками интервью вопрос самоцензуры («медиадневник-ответственность», «медиадневник-фильтр»): поскольку авторы медиатизированных дневников понимают, что их публикации читают другие люди, они ограничивают выражение личного мнения, которое может негативно повлиять на аудиторию, а также не обсуждают отдельные темы, которые являются чрезмерно интимными. В ситуации существования определенных рамок вопрос простора для самовыражения тоже весьма неоднозначен.

Представляется возможным говорить о том, что данное исследование может быть расширено в контексте увеличения изучаемой возрастной группы. Соотношение дневниковой активности на бумажном носителе и в медиапространстве, а также отношение к этой практике в двух разных форматах может отличаться. Более того, в данной работе не затронут такой аспект аккаунтов в социальных сетях, как возможность их закрытия,

когда автор сам контролирует, кто на него подписан. В таком случае многие опасения относительно публичности могут видоизменяться, поскольку общение переходит в рамки понятного, «избранного» круга лиц. Полученные результаты — и их тесная взаимосвязь с личностными характеристиками людей ввиду глубины и сенситивности темы — могут быть интерпретированы при участии психологов. Поскольку дневники используются как инструмент терапии, прочтение результатов данного исследования с позиции психологии может послужить базой для создания опросника относительно того, в каком формате человеку могло бы быть удобнее вести дневник. В рамках исследования была выработана типология фреймов, с помощью которой могут быть изучены как бумажные, так и медиатизированные дневники.

Источники

Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. — 2016. — № 28 (2). — С. 149–173.

Нора П. Всемирное торжество памяти / Пер. М. Сокольской // Неприкосновенный Запас. — 2005. — № 2. — С. 23. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 05.02.2025).

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М.: Новое издательство, 2007. — 346 с.

Ходнев А. «Бум» исследований памяти в России // Public History Weekly. — 2016. — No. 4. — P. 13. — URL: <https://public-history-weekly.degruyter.com/4-2016-13/memory-studies-boom-russia/> (дата обращения: 05.02.2025).

Antze P., Lambek M. Tense past: Cultural Essays in Trauma and Memory. — N. Y.: Routledge, 2016. — 272 p. — DOI: 10.4324/9781315022222.

Breakwell G. M., Wood P. Diary techniques // Research Methods in Psychology. — London: Sage, 1995. — P. 293–301.

Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality: society, culture, mediatization. — Cambridge: Polity Press, 2016. — 256 p.

Dudai Y., Edelson M. G. Personal memory: Is it personal, is it memory? // Journal of Interpersonal Violence. — 2013. — Vol. 9, no. 3. — P. 275–283. — DOI: 10.1177/1750698016645234.

Goodman S., Parisi L. Machines of memory // Memory: Histories, Theories, Debates. — N. Y.: Fordham University Press, 2010. — P. 343–362. — DOI: 10.1353/book.66748.

Halbwachs M. On Collective Memory. — Chicago: University of Chicago Press, 1992. — 254 p.

Hassam A. Reading Other People's Diaries // University of Toronto Quarterly. — 1987. — Vol. 56, no. 3. — P. 435–442. — DOI: 10.3138/UTQ.56.1.435.

Hepp A. Deep Mediatization. — N. Y.: Routledge, 2020. — 260 p. — DOI: 10.4324/9781351064903.

Hepp A., Krotz F. Mediatized Worlds. Culture and Society in a Media Age. — London: Palgrave Macmillan, 2014. — 332 p.

Hjarvard S. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // *Nordicom Review*. — 2008. — Vol. 29, no. 2. — P. 105–134. — DOI: 10.1515/nor-2017-0181.

Hoskins A. Digital Network Memory // *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. — Berlin: De Gruyter, 2009. — P. 91–108. — DOI: 10.1515/9783110217384.1.91.

Hoskins A. Media, memory, metaphor: Remembering and the connective turn // *Parallax*. — 2011. — Vol. 17, no. 4. — P. 19–31. — DOI: 10.1080/13534645.2011.605573.

Krotz F. Mediatization: A concept with which to grasp media and societal change // *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*. — N. Y.: Peter Lang, 2009. — P. 21–40.

Kuhn-Osius K. E. Making Loose Ends Meet: Private Journals in the Public Realm // *The German Quarterly*. — 1981. — Vol. 54, no. 2. — P. 166–176.

Landsberg A. Prosthetic memory: The transformation of American remembrance in the age of mass culture. — N. Y.: Columbia University Press, 2004. — 240 p. — DOI: 10.1080/03612759.2004.10526373.

Lejeune P. On Diary. — Honolulu: University of Hawaii Press, 2009. — 352 p.

Lev-On A., Lowenstein-Barkai H. Viewing diaries in an age of new media: an exploratory analysis of mobile phone app diaries versus paper diaries // *Methodological Innovations*. — 2019. — Vol. 12, no. 1. — P. 1–9. — DOI: 10.1177/2059799119844442.

Paperno I. What Can Be Done with Diaries? // *The Russian Review*. — 2004. — Vol. 63, no. 4. — P. 561–573. — DOI: 10.1111/j.1467-9434.2004.00332.x.

Pickering M., Keightley E. Communities of memory and the problem of transmission // *European Journal of Cultural Studies*. — 2013. — Vol. 16, no. 1. — P. 115–131. — DOI: 10.1177/1367549412457481.

Rettberg J. W. Self-representation in social media // *The SAGE Handbook of Social Media*. — London: Sage Publications Ltd., 2017. — P. 429–443. — DOI: 10.4135/9781473984066.n24.

Ricoeur P. Memory, History, Forgetting. — Chicago; London: The University of Chicago Press, 2006. — 624 p.

Rosenwald L. A. Emerson and the Art of the Diary. — N. Y.: Oxford University Press, 1988. — 154 p.

Tamir D. I., Templeton E. M., Ward A. F., Zaki J. Media usage diminishes memory for experiences // *Journal of Experimental Social Psychology*. — 2018. — No. 76. — P. 161–168. — DOI: 10.1016/j.jesp.2018.01.006.

Wang Q., Blenis R. C., Ng M., Gonzalez P. Going public: The impact of social media on autobiographical memory // *27th APS Annual Convention*. — 2015. — No. 1. — P. 1–3.

Wang Q. Creation of the Purposes of Online Memory Sharing Scale // International Journal of Applied Psychology. — 2020. — Vol. 10, no. 3. — P. 65–70. — DOI: 10.5923/j.ijap.20201003.01.

Wang Q. The triangular self in the social media era // Memory, Mind & Media. — 2021. — No. 1. — P. 1–12. — DOI: 10.1017/mem.2021.6.

Wood D. On Paul Ricoeur: Narrative and Interpretation. — London: Psychology Press, 1991. — 224 p. — DOI: 10.4324/9780203416815.

Сведения об авторе

Шейнина Дарья Артемовна, магистр,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
dasheynina@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 11.03.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 29.04.2025;
принята к публикации: 10.06.2025.

DARIA A. SHEYNINA

*HSE University,
Moscow, Russian Federation*

MEDIATIZATION OF DIARY PRACTICES AMONG PEOPLE AGED 18–25

Abstract. Memories play an important role in people's lives. One of the ways to keep them is in a diary. In the past, many people used paper diaries to preserve their memories and reflect on the past but the spread of digitalization and mediatization in all areas of life, including personal life, has made its own adjustments to this practice. So, in modern society, people start to use their social media accounts instead of traditional paper diaries. This work aims to study changes in diary practices among young people aged 18–25 due to their transfer to an online format. Using in-depth semi-structured interviews with respondents who have experience of keeping a diary in both formats, and further frame analysis, this study tries to find similarities and differences between these two diary types, as well as to explore the reasons for replacing paper ones with mediatized ones.

Keywords: diaries, diary practices, memory, individual memory, mediatization, social media.

For citation: Sheynina D. A. Mediatization of Diary Practices Among People Aged 18–25. St. Petersburg Sociology Today. 2025. No 28. P. 70–97. DOI: 10.25990/socinstras.pss-28.k3yq-0186; EDN: LRZZRF

References

Koselleck R. “Space of experience” and “horizon of expectations” — two historical categories. *Sotsiologiya vlasti*, 2016, no. 28 (2), pp. 149–173. (In Russ.)

Nora P. The global celebration of memory. *Neprikosnovenny Zapas*, 2005, no. 2, pp. 23. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (access date: 05.02.2025). (In Russ.)

Halbwachs M. *Social frameworks of memory* [Sotsial'nyye ramki pamyati]. Moscow, New Publishing House, 2007, 346 p. (In Russ.)

Khodnev A. “Boom” of memory studies in Russia. *Public History Weekly*, 2016, no. 4, p. 13. URL: <https://public-history-weekly.degruyter.com/4-2016-13/memory-studies-boom-russia/> (access date: 05.02.2025). (In Russ.)

Antze P., Lambek M. *Tense past: Cultural Essays in Trauma and Memory*. New York, Routledge, 2016, 272 p. DOI: 10.4324/9781315022222

Breakwell G. M., Wood P. Diary techniques. *Research Methods in Psychology*. London, Sage, 1995, pp. 293–301.

Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality: society, culture, mediatization*. Cambridge, Polity Press, 2016, 256 p.

Dudai Y., Edelson M. G. Personal memory: Is it personal, is it memory? *Journal of Interpersonal Violence*, 2013, no. 9 (3), pp. 275–283. DOI: 10.1177/1750698016645234

Goodman S., Parisi L. Machines of memory. *Memory: Histories, Theories, Debates*. New York, Fordham University Press, 2010, pp. 343–362. DOI: 10.1353/book.66748

Halbwachs M. *On Collective Memory*. Chicago, University of Chicago Press, 1992, 254 p.

Hassam A. Reading Other People's Diaries. *University of Toronto Quarterly*, 1987, no. 56 (3), pp. 435–442. DOI: 10.3138/UTQ.56.1.435

Hepp A. *Deep Mediatization*. New York, Routledge, 2020, 260 p. DOI: 10.4324/9781351064903

Hepp A. *Mediatized Worlds. Culture and Society in a Media Age*. London, Palgrave Macmillan, 2014, 332 p.

Hjarvard S. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review*, 2008, no. 29 (2), pp. 105–134. DOI: 10.1515/nor-2017-0181

Hoskins A. Digital Network Memory. *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, De Gruyter, 2009, p. 91–108. DOI: 10.1515/9783110217384.1.91

Hoskins A. Media, memory, metaphor: Remembering and the connective turn. *Parallax*, 2011, no. 17 (4), pp. 19–31. DOI: 10.1080/13534645.2011.605573

Krotz F. Mediatization: A concept with which to grasp media and societal change. *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*. New York, Peter Lang, 2009, pp. 21–40.

Kuhn-Osius K. E. Making Loose Ends Meet: Private Journals in the Public Realm. *The German Quarterly*, 1981, no. 54 (2), pp. 166–176.

Landsberg A. *Prosthetic memory: The transformation of American remembrance in the age of mass culture*. New York, Columbia University Press, 2004, 240 p. DOI: 10.1080/03612759.2004.10526373

Lejeune P. *On Diary*. Honolulu, University of Hawaii Press, 2009, 352 p.

Lev-On A., Lowenstein-Barkai H. Viewing diaries in an age of new media: an exploratory analysis of mobile phone app diaries versus paper. *Methodological Innovations*, 2019, no. 12 (1), p. 1–9. DOI: 10.1177/2059799119844442

Paperno I. What Can Be Done with Diaries? *The Russian Review*, 2004, no. 63 (4), pp. 561–573. DOI: 10.1111/j.1467-9434.2004.00332.x

Pickering M. Communities of memory and the problem of transmission. *European Journal of Cultural Studies*, 2013, no. 16 (1), p. 115–131. DOI: 10.1177/1367549412457481

Rettberg J. W. Self-representation in social media. *The SAGE Handbook of Social Media*. London, Sage Publications Ltd., 2017, pp. 429–443. DOI: 10.4135/9781473984066.n24

Ricoeur P. *Memory, History, Forgetting*. Chicago; London, The University of Chicago Press, 2006, 624 p.

Rosenwald L. A. *Emerson and the Art of the Diary*. New York, Oxford University Press, 1988, 154 p.

Tamir D. I., Templeton E. M., Ward A. F., Zaki J. Media usage diminishes memory for experiences. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2018, no. 76, pp. 161–168. DOI: 10.1016/j.jesp.2018.01.006

Wang Q., Blenis R. C., Ng M., Gonzalez P. Going public: The impact of social media on autobiographical memory. *27th APS Annual Convention*, 2015, no. 1, pp. 1–3.

Wang Q. Creation of the Purposes of Online Memory Sharing Scale. *International Journal of Applied Psychology*, 2020, no 10 (3), pp. 65–70. DOI: 10.5923/j.ijap.20201003.01

Wang Q. The triangular self in the social media era. *Memory, Mind & Media*, 2021, no. 1, pp. 1–12. DOI: 10.1017/mem.2021.6

Wood D. *On Paul Ricoeur: Narrative and Interpretation*. London, Psychology Press, 1991, 224 p. DOI: 10.4324/9780203416815

Information about the author

Sheynina Daria A., master,
HSE University,
Moscow, Russian Federation
dasheynina@gmail.com

Received: 11.03.2025;

revised after review: 29.04.2025;

accepted for publication: 10.06.2025.